

На всѣ увѣщанія онъ отвѣчалъ тихо и кротко:

— Оставьте меня, мнѣ хорошо.

Онъ забылъ обо всемъ: не умывался, не чесался, не одѣвался.

Различно понимали это настроеніе Гоголя его современники. Одни осуждали Гоголя. Н. Ф. Павловъ писалъ А. В. Веневитинову о послѣднихъ дняхъ жизни Гоголя, осуждая его; онъ видѣлъ въ немъ вѣру не христіанскую, а индійскую. Такъ думало большинство, такъ думаютъ многіе и теперь. Но въ душѣ поэта, у Жуковского, сложилось другое пониманіе.

Жуковский такъ оцѣнилъ эту предсмертную молитву Гоголя. Въ своемъ отвѣтѣ на письмо Плетнева, онъ написалъ слѣдующее:

„Гоголь, стоящій четыре дня на колѣняхъ, не вставая, не ѣвши и не пивши, обруженный образами и говорящій кротко тѣмъ, которые о немъ заботились: *оставьте меня, мнѣ хорошо*,—какъ это трогательно! Нѣтъ, тутъ я не вижу *суевѣрія*: это набожность человѣка, который съ покорностью держится установленій Православной Церкви. Чтò возмутило эту страждущую душу въ послѣднія минуты—я не знаю; но онъ молился, чтобъ успокоить себя, какъ молились многіе Святые Отцы нашей Церкви; и, конечно, ему было въ эти минуты хорошо, какъ онъ самъ говорилъ; и путь, которымъ онъ вышелъ изъ жизни, былъ самый успокоительный и утѣшительный для души его. *Оставьте меня, мнѣ хорошо*. Такъ никому нельзя осуждать по себѣ того, чтò другому хорошо по его свойству; и эта молитва на колѣняхъ, продолжавшаяся четверо сутокъ, есть нѣчто вселяющее глубокое благоговѣніе: такъ бы онъ умеръ, еслибы, послушавшись своего естественнаго призванія, провелъ жизнь въ монашеской кельѣ. Теперь, конечно, душа его нашла все, чего искала...“

IV.

Къ утру, въ 8 часовъ, 21 февраля (1852 г.) Гоголь скончался, 43 лѣтъ отъ роду. При кончинѣ его присутствовала теща Погодина, а самъ Погодинъ въ то время не былъ въ Москвѣ: по Высочайшему повелѣнію, онъ пребывалъ въ Суздаль, гдѣ разыскивалъ гробъ Поморскаго. Другой другъ Гоголя, С. П. Шевыревъ, самъ лежалъ больной въ постели.

Елизавета Ѧоминишна, въ качествѣ сидѣлки, всю послѣднюю ночь провела при постели Гоголя. Она разказывала потомъ М. П. Погодину, какъ дѣлали Гоголю ванну, обливали ему голову холодною водою, какъ онъ отказался отъ слабительнаго, какія безсвязныя слова говорилъ предъ самою кончиною.

Погодинъ записалъ эти подробности въ свой „Дневникъ“. Онъ получилъ вскорѣ письмо отъ матери Гоголя, которую извѣщаль о кончинѣ ея сына; въ письмѣ было высказано, между прочимъ, чувство благодарности ея къ Елизаветѣ Ѧоминишнѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Да наградитъ ее Богъ за ея о немъ попеченіе. Она услаждала послѣдніе часы его жизни, замѣняя несчастную его мать.“

Послѣ смерти Гоголя, между друзьями его вышла распря: одни хотѣли отпѣвать его въ приходѣ, въ церкви Сумеона Столпника, которую онъ очень любилъ и всегда посѣщалъ; другіе стояли за университетскую церковь, такъ какъ Гоголь былъ почетнымъ членомъ Московскаго Уни-

верситета. Послѣдніе взяли верхъ, хотя въ числѣ первыхъ былъ Хомяковъ.

На похоронахъ въ церкви было много народу, много знакомыхъ, въ числѣ другихъ графиня Ростопчина, былъ генераль-губернаторъ Закревскій, ректоръ Университета; похороны имѣли общественный характеръ. На улицахъ тоже былъ народъ, хотя С. Т. Аксаковъ и не ожидалъ того; самъ онъ оставался въ своемъ Абрамцевѣ. Цвѣты изъ гроба Гоголя до сихъ поръ еще сохраняются у г. Барсукова.

Вообще смерть Гоголя оставила по себѣ глубокое впечатлѣніе въ Москвѣ: люди, недовольные между собою и враждовавшіе, подъ вліяніемъ ея помирились и забыли взаимныя обиды.

Гоголь похороненъ въ Даниловомъ монастырѣ, въ Москвѣ, рядомъ съ Валуевымъ и Языковымъ. На надгробномъ памятникѣ его вырѣзаны слова изъ пророка Іереміи (20, 8): *Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся*, которыя вѣрно выражаютъ жизнь покойнаго. Ихъ выбрали на сорочинахъ Гоголя его друзья, какъ свидѣтельствоетъ М. П. Погодинъ.

Прошло теперь пятьдесятъ лѣтъ послѣ кончины Гоголя. Мы вспоминаемъ снова о ней, оцѣниваемъ заслуги писателя, его историческое значеніе. Въ самомъ творествѣ Гоголя не было никакихъ рѣзкихъ переломовъ, не было раздвоенія, какое въ немъ предполагалось, напротивъ, это была цѣльная внутренняя жизнь, гдѣ уже въ раннюю пору были задатки позднѣйшихъ явленій. Его мнѣнія о коренныхъ вопросахъ жизни, простыя, русскія, оставались во всю жизнь его одни и тѣ же. Онъ былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, такимъ онъ и умеръ.

НИКОЛАЙ ОВСЯННИКОВЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ.*

III.

Съ понедѣльника первой недѣли поста обнаружилось уже совершенное изнеможеніе Гоголя. Онъ отвергалъ всякое пособіе, ничего не говорилъ и почти не принималъ пищи. По временамъ только просилъ пить, и глоталъ по нѣскольку капель воды съ краснымъ виномъ. Черезъ недѣлю онъ вторично пріобшился и теперь соборовался масломъ. Въ среду, на второй недѣлѣ, обнаружился у Гоголя признаки нервной горячки. Лѣчилъ его Иноземцевъ, и говорили, будто онъ не понималъ его болѣзни. Но чтò же было дѣлать врачу, когда Гоголь не хотѣлъ принимать лѣкарствъ? Въ письмѣ Плетнева къ Жуковскому сообщается именно, что Гоголь двое сутокъ провелъ на колѣняхъ предъ образами безъ питья и пищи; говорится еще, что графъ А. П. Толстой ѣздилъ даже къ митрополиту Филарету, чтобы словомъ архипастыря, котораго Гоголь такъ уважалъ, подействовать на больного. Филаретъ сказалъ, что сама Церковь повелѣваетъ въ недугахъ предаться волѣ земнаго врача. Но и это не произвело перемѣны въ мысляхъ Гоголя,—онъ продолжалъ молиться и поститься.

* См. Моск. Вид. № 53.